

любви. Таким образом, если где и осуществляется то, что принято называть добродетелью, так это в области человеческих отношений.

Исходя из сказанного, человек – чтобы быть подлинным человеком – должен жертвовать собой, то есть преодолевать свою самодостаточность и гордыню. Он должен изменять себя, стремиться к преображению, исцелению своего духа. Преодолеть грех – значит разорвать замкнутый круг своей самости, быть готовым к самоотверженному общению с другими, ибо то богатство бытия, которое даровал нам Бог, может быть испытано только сообща. «В божественном замысле род человеческий – это не собрание разрозненных индивидуумов, каковым он является в нынешнем греховном состоянии, но полипостасное единство: множество уникальных, единственных лиц, единоприродных, единосущных друг другу. Человечество призвано к бытию по образу Самого Бога, то есть по образу бытия Пресвятой Троицы. На этом пути человек сталкивается, во-первых, со своей тварностью, а во-вторых, со своей греховностью. Человек *есть* личность, но в то же время еще должен *стать* ею. Как тварное существо, он может осуществить свое призвание только в общении с Богом Творцом; как существо греховное, он может стать личностью по образу Божию только в Церкви, отвергнув грех и возложив упование на искупительное содействие Христова». [7, с.16].

Литература

1. Преп.Исаак Сирин Ниневийский. Беседа 5. О Божественных тайнах и духовной жизни. Азбука веры Православная библиотека преподобный Исаак Сирин Ниневийский.
2. прот.В.Леонов. Основы православной антропологии. М. Издательство Московской патриархии РПЦ, 2013. – 114 с.
3. Лосский В.Н. По образу и подобию. М. Издательство Свято-Владимирского братства, 1995. – 114 с.
4. Лосский В.Н. Мистическое богословие. М. Издательство Свято-Владимирского братства, 1995. – 93с.
5. Прл.Марк Подвижник. Советы ума своей душе. Минск: Издательство Свято-Елисаветинского монастыря, 2005. – 228 с.
6. Архим.Рафаил (Карелин). Тайна спасения. М. Издательство: ISBN 5-7789-0117-8, 2002. – 195 с.
7. Митр.Минский и Слуцкий Филарет. Православное учение о человеке. М.-Клин, Издательство: «Христианская жизнь», 2004. – 16 с.

О ЗНАЧИМОСТИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Вера Константиновна Харченко
доктор философских наук, профессор ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
(Россия, г. Белгород)

На разработку этой темы нацелил нас недавно проведенный анализ сочинений студентов национального отделения, выходцев из Бухары, преимущественно узбеков и таджиков, которые 7 мая 1991 г. заполняли развёрнутые анкеты «Языки моей семьи» с 10-ю пунктами вопросника. *На каком языке говорят в вашей семье? На каком языке вы предпочитаете читать художественную литературу? На каком языке вы разговариваете во сне?* и т. п. Помимо сохранившихся 72 развёрнутых анкет мы проанализировали также порядка 300 сочинений на тему «Мои дедушка и бабушка» (1987-1991 гг.). Через десятилетия в этих работах бросилось в глаза то, на что в те годы мы не обратили должного внимания. Очень многие респонденты отмечали: дедушка выучил арабский язык, чтобы читать Коран. Несколько реже знание арабского языка (кстати, весьма и весьма сложного, с баснословным богатством словаря!) авторами сочинений и анкет фиксировалось по отношению к бабушкам и папам.

Спрашивается, учим ли мы любовно, заинтересованно, по собственной инициативе церковнославянский язык, чтобы читать знаковые тексты на этом языке, чтобы понимать богослужение? Скорее нет, чем да.

В вузовских курсах гуманитарного профиля учебный предмет «старославянский язык» отнесён к классическим языкам. Будущие филологи, учителя-словесники, историки знакомятся со структурой и особенностями этого, действительно, классического (мы бы даже сказали: идеального!) языка, однако так называемые остаточные знания исчерпываются особенностями старославянизмов, их функциями в тексте и фразеологизмами библейского происхождения. Значительное число статей, посвящаемых старославянскому языку, содержательно концентрируется также вокруг этих «частностей», знание которых необходимо (кто бы спорил?), но для общей палитры понимания и оценки значимости церковнославянского языка этих сведений явно недостаточно. Мы не призываем сейчас носителей современного русского языка, прежде всего, состоявшихся филологов припоминать особенности склонений существительных, или такие формы прошедшего времени, как перфект и плюсквамперфект, или многообразие форм будущего времени (в современном русском языке задействованы всего лишь две формы!). Наш посыл лежит в несколько иной плоскости.

Во-первых, это проявление, поощрение уважения к церковнославянским текстам, «обнарождения» некоторых из них. Так, прекрасной инициативой стало размещение на стене второго этажа главного корпуса НИУ «БелГУ» старинного наставления учащейся молодёжи с сохранением ныне утраченных букв кириллицы: ятя, юса, омеги, ижицы, ера... «Обычный» текст: *С юных лет старайтесь овладевать знаниями...* не вызывал бы должно-го психологического эффекта.

Во-вторых, в собственную речь, в выступления (впрочем, и в печатные тексты тоже) филологам целесообразно включать, где это уместно, слова из церковнославянского языка, а также при случае раскрывать, как гениально умел это делать А.С. Пушкин: *«Когда для смертного умолкнет шумный день / И на немые стогны града / Полупрозрачная наляжет ночи тень...»* («Воспоминание»). Вместо «площади» – *стогны*, вместе «города» – *града*, но ведь как завораживает! В настоящее время экспрессию словоупотребления создают, с одной стороны, заимствования, с другой – жаргонизмы, тогда как обращения к лексическим фондам церковнославянского языка открывают возможность использования, например, калек с древнегреческого языка и созданных по аналогичным моделям слов: *благорачительный* (очень усердный), *благославие* (добрая слава), *благостройный*, *благоукрашение*, *благосердие*. Конечно, здесь необходимы и чувство меры, и чувство контекста, чтобы приглашённое из глубины веков слово не выглядело бы пародийным и карикатурным.

Наконец, в-третьих, нужны выученные наизусть тексты, фрагменты текстов. Соглашусь, в структуре языковой личности современный русский язык играет всеми красками не в ситуациях приземлённого, обыденного общения, а когда мы читаем наизусть стихотворение Пушкина, или отрывок из «Тараса Бульбы» Гоголя, или басню Крылова, или полюбившиеся строфы и строки Есенина, Маяковского, Пастернака. Пусть это будет всего три-четыре небольших текста, но без адаптации, на «настоящем церковнославянском», чтобы воздействие старинного слова было глубоким и сильным. В своё время мы выписывали из художественной и мемуарной литературы («церковнославянскую цитацию»): *Кому повею печаль мою? Хлеб наш насущный даждь нам днесь... Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Благослови, Бог, милуй и питай нас от юности нашей... да призобликуем во всякое дело благо.* В советские времена писатели подчас включали в свои произведения цитаты из библейских текстов, и повествование сразу выигрывало. В романе (жанр обозначен как роман в письмах) В. Каверина «Перед зеркалом» читаем: «Она наудачу раскрыла книгу Морозова: *«И не будет в тебе ни звуков играющей арфы, ни поющего голоса, ни трубного гласа, ни музыки тех, что играют на свирелях и других инструментах, - прочтала она. - И не будет в тебе ни художника, ни художества, и шума жерновов уже не будет слышно в тебе».* Какие предсказания! «Так будет же», - подумала она упрямю».

В своей статье об Анне Ахматовой Наум Коржавин подчеркнул весьма важную вещь: в отличие от красок, которыми, создавая свои полотна, пользуется живописец, слова уже наполнены отсветами смыслов, они несут на себе следы тех текстов, в которых были употреблены. «Слово же, с которым имеет дело поэт, никогда ему полностью не принадле-

жит. Определённое значение было связано со словом до рождения автора и будет независимо от него связано с ним всегда. ... Так что можно и должно выявлять и использовать скрытые возможности слова, его «потаённые» смысловые и эмоциональные оттенки, но нельзя относиться к нему как к инертному материалу. А поскольку оно само – осмысление, само – явление культуры, то и связано оно с Духом прямой и тесней, чем различные тела, вещества, предметы... [1, с. 243].

Слова церковнославянского языка несут в себе печать высоких текстов, которых относят к категории пассионарных. «Как в истории, по Льву Гумилеву, появляются пассионарные личности, так и в литературе есть пассионарные книги. Их едва ли больше десятка... По сути, каждая пассионарная книга рассказывает о пришествии в мир Бога в том или ином обличье» [2, с. 92]. Заучивание, запоминание, цитирование этих текстов формирует особый строй личности, о чём свидетельствуют, в том числе, зарубежные ученые.

В своей статье «Влияние Библии короля Иакова на политический язык Авраама Линкольна» Дж. Берджесс напрямую связывает успех выступлений «величайшего публичного теолога Америки» с тем, что они были «насыщены фразами и ритмами Библии короля Иакова». Приводя фрагменты его речи, автор показывает, что при немногочисленности прямых ссылок на Священное Писание ее текст изобилует библейскими аллюзиями... Каждое предложение имеет «библейский тон». Именно библейские интонации и придают речи Линкольна весомость и мощь. И далее говорится о «библейской безграмотности» в современной Америке, об утрате традиции заучивать Священное Писание наизусть [3, с. 238, 241].

Современные американские лингвисты Чамберс и Уилки пишут в «Краткой истории немецкого языка» (1970) О Мартине Лютере: «богатство словаря, меткость идиом, сила и прямота стиля характерны для всех его произведений... Мастерски выполненный перевод Библии... в течение четырёх последующих столетий более, чем какая-либо другая книга, оказал глубокое и неизгладимое стилистическое воздействие – не говоря уже о его духовном воздействии – на поколения ораторов и писателей вплоть до наших дней... [4, с. 22].

Итак, старинные слова, строки, «контексты» обладают мощным воздействующим зарядом, потому что оказывается, человеку остро необходим... идеальный язык или как минимум образ идеального языка. При всей своей престижности, острой необходимости и распространённости (а, возможно, что именно по этим причинам!) английский язык такую миссию сейчас выполнять не может. Более того, пишут и о том, что употребительность и распространённость английского языка приводит к обеднению и искажению искони присущих языку лексических и грамматических богатств. Идеал (такова его природа!) почти всегда в прошлом как нечто уже доказавшее свою состоятельность. Церковнославянский язык прекрасно подходит на роль идеального языка. Таким образом, нескончаемые споры о том, на каком языке вести богослужение, будут постепенно нейтрализованы. Однако, как любой идеал, идеальный язык требует работы и заботы, попечения и популяризации, сочетания анализа и... удовольствия от использования. Миссия филолога-прикладника – разыскивать подобные свидетельства ценности церковнославянского слова.

Приведём в качестве примера фрагмент из «Истории русской церкви» митрополита Макария:

Следствия перевода Библии и церковных книг на славянский язык были величайшие и благовостнейшие как для славян вообще, так, в особенности, для русских. Этот перевод имел самое сильное влияние на пробуждение духа народного в славянах и уяснение их народного самосознания. Здесь в первый раз услышали они звуки родного слова в речи стройной, облагороженной, возвышенной и в первый раз начали понимать, как богат, величествен и прекрасен язык их предков, в первый раз заглянули, так сказать, лицом к лицу в собственную душу и увидели все величие и крепость ее природных сил, для выражения которых служат такое могущественное слово [5, с. 191].

Современный писатель Валентин Распутин в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» посвятил церковнославянскому языку проникновенные слова устами мальчика Ивана, открывшего словарь:

*Полистав, вслух повторяя осторожно и трогательно, словно пробуя на вкус и бо-
ясь вступнуть: лепота, вельми, веряя, чресла, навет, златозарный, светосиянный... и от-
кинулся в изнеможении: что это? Если бы отыскался человек, воспитывавшийся в глу-
хом заточении и никогда не слышавший слов: мама, люблю, дорогой, спасибо, никогда от
рождения своего не ведавший ласки и не засыпавший под колыбельную, он бы их тотчас
понял и узнал при встрече, потому что он и не жил без них, всё ждал и ждал, когда при-
коснётся к нему волшебная палочка их звучания и оживит его. Иван точно клавиши пере-
бирал, и дивная музыка узнавания звучала в нём мягкими и торжественными аккордами.
Все эти слова, все эти понятия в Иване были, их надо было только разбудить... «Душу
мою озари сияньми не вечерними», – пропел Иван, заглядывая в словарь и опять замирая в
восторге и изнеможении [6, с.154-155].*

Церковнославянский язык достаточно сложен. «Развитие языка идёт отнюдь не т
простого к сложному, скорее как раз наоборот – латынь, санскрит, старославянский, древ-
негреческий и древнеанглийский обладают гораздо более богатой и сложной структурой,
чем современные языки, которые произошли от них [7]. Не менее сложными оказываются
и истолкования, например, библеизмов, о чём пишет, в частности, Ек.А. Попова в статье
«Библейская языковая стихий в аспекте лексикологии и прагматики [8].

Разумеется, мы ориентируемся сейчас на прикладные аспекты: поощрение интереса
к церковнославянскому языку, цитирование полюбившихся выражений, реконструкция
некоторых слов в лингвоэтическом аспекте, заучивание наизусть отдельных отрывков из
текстов.

Нашего современника и соотечественника церковнославянский язык способен обо-
гатить и укрепить духовно, оснастить новыми смыслами и новой символикой, утолить его
голод по идеальному языку, окрыляющему повседневность с её энтропией, динамикой и
непредсказуемостью.

Литература

1. Коржавин Н. Анна Ахматова и «серебряный век» // Новый мир, 1989, № 7. С. 240-261.
2. Орбий С. Пассионарные книги // Знание – сила. 2012, № 12. – С. 92-93.
3. Берджесс Дж. Влияние Библии короля Иакова на политическую риторику Авраама Линкольна // Библия короля Иакова: 1611 – 2011: Культурное и языковое наследие / Отв.ред. Е.Б. Яковенко. – М.: Буки-Веди, 2013. С. 238-242.
4. Прус И. Слово формирует взгляд // Знание – сила. 2008. № 8. С. 22.
5. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви: В 7 книгах. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Книга первая. – 408 с.
6. Распутин В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть // Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть. Рассказы. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 7-188.
7. Петров Д., Борейко В. Магия слова: Диалоги о языке и языках. – М.: ПРОЗАИК, 2011. – 208 с.
8. Попова Ек.А. Библейская языковая стихий в аспекте лексикологии и прагматики // Структурно-семантическая специфика и функционально-коммуникативный статус языковых единиц. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2004. – С. 112-121.

НОВЕЙШАЯ КРИТИКА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА): ОПЫТ АПОЛОГИИ

Александр Сергеевич Прудников
магистрант СТФ ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
(Россия, г. Белгород)

Критика трудов свт. Игнатия (Брянчанинова) имеет достаточно большую историю. Ещё при жизни святителя между ним и святителем Феофаном (Говоровым) существовала дискуссия по поводу природы ангелов и человеческих душ. Святитель Феофан даже издал книгу, в которой доказывал неверность взглядов свт. Игнатия по этому вопросу. Менее известен тот факт, что на сочинения святителя Игнатия имел неблагоприятный взгляд другой